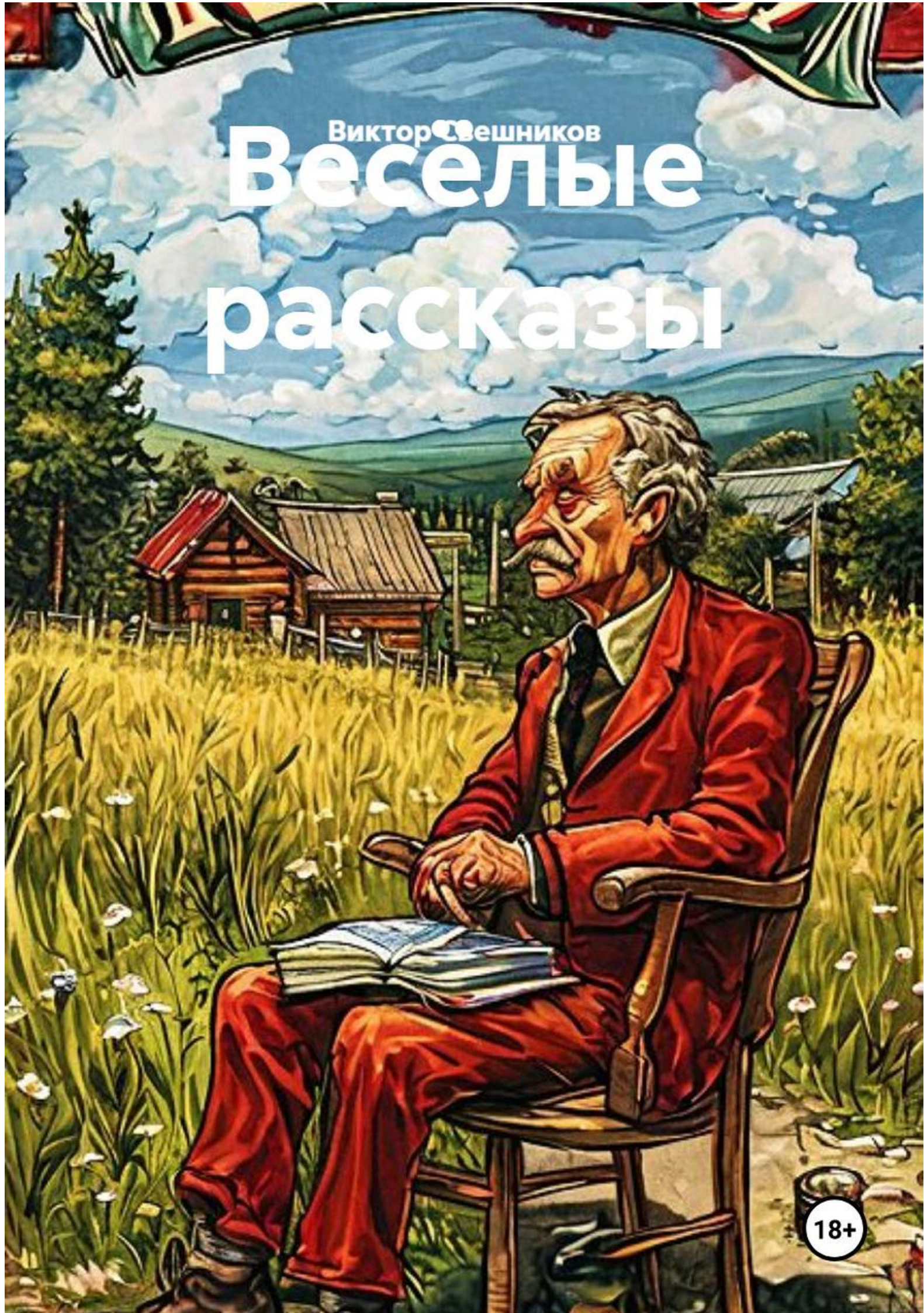

Виктор Свешников

Веселые рассказы

Виктор Свешников

Весёлые рассказы

«Автор»

2026

Свешников В. И.

Весёлые рассказы / В. И. Свешников — «Автор», 2026

Аннотация Четвёртая книга из серии "Рассказы". Подборка юмористических опусов на различные темы. Ещё несколько рассказов о Парамоне Жуковском, сельском пьянице и лодыре, но обладающем богатой фантазией и воображением. Показан разговорный лексикон одной из областей России. Есть и городские страсти.

© Свешников В. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Женитьба	6
Сексуальная терапия	11
Простатит	13
Улёпый	16
Синенькие (баклажаны)	19
О Парамоне Жуковском	22
Йети и Парамон	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктор Свешников

Весёлые рассказы

Для обложки применена картинка [Pixabay License](#)

Бесплатно для коммерческого использования.

Указание авторства не требуется.

К читателю 20

В первой части этого издания, которое состоит только из юмористических рассказов, представлен деревенский быт, самобытный говор, присущий центральным областям России и в частности Воронежской. Лексикон и юмор, в котором мы не замечая того, находимся повседневно. Городскому читателю воспринять это несколько затруднительно (больно необычно звучат некоторые слова), а деревенские жители не видят в этом ничего особенного (потому, что сами так разговаривают), разве, что смешны некоторые ситуации. Но это повседневная реальность большого количества людей. Для городских я попытался "перевести" этот необычный язык на нормальный. Немного непонятного "говора" я всё же оставил, так как иногда невозможно передать комичность ситуации без соответствующих слов и наречия.

"Колхозный "юмор"

Женитьба

Однажды, подходит ко мне мой товарищ Василий, по прозвищу "Художник". Он постоянно напевает слова из песни "Миллион алых роз". Работаем мы вместе — "дальнобойщики". Подошёл он, не напевая песенки. Это значило: что-то не так!

— Иван, можно тебя на минутку?

Я вылез из-под тягача.

— Слушай, надо со мной съездить в соседнюю область. Жениться думаю! Ты машину сможешь найти?

— Смогу, — ответил я, — мой приятель, два дня назад купил, но я её ещё не лицезрел. Думаю, он мне не откажет.

...У дома друга я увидел "Газель" — цельнометаллический фургон. На нём, при соответствующем окрасе, выделялась надпись: "Ритуальные услуги". Из дома вышел Олег:

— Смотри, какая красавица! Почти новая! Попала под "сокращение"! Закрашу надпись, грузи полторы тонны и вперёд!

— Олег, мне нужна машина на субботу.

— Какой разговор, Иван? Бери и объезжай!

...Шестой день недели, утро. Выруливаем со двора друга на его необычном автомобиле (надпись он не закрасил). Тачка не разбитая, ехать приятно, но люди косятся. По лицу Художника ходит улыбка:

— Я случайно познакомился с Тамарой. А потом она со мной в трёх рейсах ездила. Теперь вот решили пожениться. Так, что ты вроде, как сватом будешь, — объявил Василий.

К обеду мы подъехали к указанному им жилью, в Филиповке. Никто не выходит, тишина. Подошла старушка:

— Кто умер-то, мил касатик?

— Никто, — говорю, — в гости приехали.

— Это к кому же такие родственники? — подошёл мужчина из рядом стоящего дома.

— Мы к Тамаре, — Художник указал на дом.

— Никакой Тамарки тут нету! — объявил сосед, косясь на нас, — что-то вы темните! Зачем обманываешь? Сколько я знаю, на нашей улице ныне никто богу душу не отдал и не собирается пока отпускать её от себя!

— Да мы действительно в гости..., — начал я.

— К кому же вы тады приехали? — перебил меня дотошный мужик. — Тут проживает учителька наша Нина Палына: образованная женщина, а не какая-то ваша доярка Тамарка.

Вокруг нас уже толпа. Люди, с осуждением глядя на нас, переговариваются, кричат:

— Говоритя, кто помер? Вы сродники, наверно? Ишь ты, хотят втихую украсть и закопать! Сэкономить на поминках, значить! Сельчане, не допустим бязбожнью безобразию: у нас всягда поминать надо и потому выпивают за своих покойничков! — выпалил хлипкий мужичок с фиолетовым носом.

Все загалдели:

— Да что же это, — слышен голос, — жил, значить, покойник тут, а самогон хлястать в другом месте будуть!

— Подождите,... — пытаюсь я вступить в разговор, но мне не дают.

— Ды что с ними баландыть, у нас тут проживают все свои, и мы ни отдадим нашего покойника просто так, без всяво! — неожиданно закончил речь пьяный мужик с красным носом, — давайте "выкуп"! Гоните магарыч, жмоты гырадские!

Толпа прибывает, на улице галдёж. Василий стучит в дверь дома.

— Ох, батюшки! Так, значить, Палына пымярла! Ой, какая была женщина! — запричитала одна селянка. — Ды когда жа, ды как жа? Бабы, мужики! Палына преставилась! — объявила она, крестясь. — Госпыди, упокой её душичку, хороший была человек!

Ватага уже гудит, воет, стонет. Отовсюду бегут жители села.

— Ды как же это так, ды когда же? А кто жа узнал-то об этом? Успели уже и родственникам сообщить! А мы рядом прыживаем и ничяво не знаем, — женщина умывается слезами. — Ды что же эта за люди, зы такие! Нихто не придёт, не скажить! Ох, и злыдни! Ах, грех-то, какой: позднее всех узнала об этом!

У меня язык присох к нёбу.

— Палона, Палона, — запричитала одна из женщин, — прости меня, долг-то я не успела тебе отдать! Три рубля-то тваи, тепер у мене остались, всягда помнить буду об этом.

— И мене прости, — подвывает рядом женщина, — я тваю козу палкой драла на своём, ны огороди. Уж так её иссякла! Она маю капусту испаганила, сучара акаянныя!

— Откуда жа вы приехали? — сквозь слёзы и рыдания спрашивает голосившая женщина, — кем жа вы нашей Палыни приходитесь? Брат, наверное? Никогда вас ня видела у ней. Ох, ды померла она одна, население ничяво ня знать, и никто ей бедной глазыньки-то не закрыл! И ведь сама никому, ничяво не сказала: молчкём всё! Так откуда же вы так быстро добрались, уж не из Поповки?

— Из соседней области..., — говорю.

Она меня перебивает:

— Ой, дыляко! А когда же вы о смерти-то прознали?

— Успокойтесь, не смотрите на машину, — вставляю я, — она совсем ни при чём. Мы...

— Ды брешить он, пы яво морде видно, што совсем избряхалси! — перебивает меня пьяненький, — говорю: тайкём хотять забрать нашего покойничка, бяз выпивки! Не отдадим, братцы! Какая женщина была покойница! Нас, маломочных (пьяниц), никогда не обижала, завсягда выручала, никому не дала преставиться. А тут, на тебе: увезти хотять, ды ещё и тайкём! Ишь, деляги! Гырадские жадныи все, бить их надуть! Денег много зарабатывают, а вон, какие жмоты! Никогда милостыню не подадут, сколькя живу, ни разу не налили!

Меня затягивает в разговор:

— Ну, почему тайком? — кричу я, — мы же в открытую подъехали. Днём, не ночью. И бутылка у нас есть.

— Ну вот, видитя, он уже сам призналси! Ведали значить, зачем пёрлись суда! Колькя, ты рядом с гырадским стоишь, нука возьми у сквалыги эляксир здоровья ды давай-кя сюда, скорей. У мене уже трясучка начинается, рукой ничяво паймать ни магу. Ванькя, залезь в мой карман, у мене там яблыка ляжить, ны закуску. Видишь, как хорошо, что мы быстро собрались, хоть фунфырик ды содрали за Палыну, няхай ей на энтом свете хырашо будить! А нято, упёрли бы они нашу жмурную Нинку без всяких откупов. А потом посвищи ветра в поле, там толькя туман, ды волки голодные бегють! Пывязло нам: с утра ня знали, где сивухи достать, а тут на тебе — водчишка! Палына удружила нам напоследок.

Печальное общество рыдает и воет: хорошая была "Палына" и каждый норовит показать своё отношение к "покойной". К скорбящей публике подбегает женщина в белом халате: глаза на лбу.

— Почему собрались, плохо кому-то, что ли?

— Ой, Вылянтина, свет Пятровна, — голоса, приникает к медработнику одна из женщин, — ды горя-то у нас, какая! Училка наша, Палына, преставилась! Осиротели наши детки лыбатрасы.

— Пойдите, как пымярла? Я же утром с ней здоровкалась.

— Ох, Пятрона, Пятрона, — всхлипывая, встревает в разговор другая женщина, — ды долго ли сычас богу душу-та отдать! Нябось, уже и могилку копають! Так-то типерь: где шёл, там и упал, и помер, и никто руки ни подасть!

Половина толпы, забыв о нас, разбилась на кучки по несколько человек. Из одной такой кампании слышно:

— Смотри, уже и фельшарица прибежала, значит, правда кандюк Палыни настал! — и кричит: — позна пришла, Пятрона, позна!

Выпивают прямо из горлышка, чтобы "зямля пыхом" стала. У трясущегося мужика, дождём, полились слёзы и он, сквозь всхлипывания, подал команду:

— Колька, заводи Мишкину, жалистную, со звоном кылыкалов, самое время подошло!

И вот над толпой пьяно зарыдала пародия на песню М. Круга: "А ты прости мне, прости-и..., и пускай звенять в душе кылыкала-а...".

— Ды вы что дельитя-та, алкоголики нящастныи, разве можна петь на пыхыранах! Совсем ум пропили, пьяницы!

— А что, тётка Лукерья, уже и гроб привезли, что ли?

— Конечно, — за покойниками бяз гроба ня ездить, дураки...

Внезапно открывается дверь дома, на пороге появляется крупная женщина и что-то объясняет обескураженному Художнику. Тот говорит с ней, и она указывает в сторону. Вокруг наступила кладбищенская тишина. Люди начали креститься, отдельные сельчане даже отбежали назад, видимо, от греха подальше. Несколько пожилых дам и вовсе повалились. Раздался звук падающей бутылки.

— Га-а, смотри, бабы, придвидение Палыны образовалось! Это хфантом! — крикнул тщедушный старичок, — я знаю, так бываить!

— Госпыдя, видна ня хочить нинаглядная наша на энтот свет иттить. Ай, бедная, Нина Палына, мученица ты наша общественная! — завыла не своим голосом одна из женщин, крестясь и отступая от "покойницы". Споткнувшись о чью-то ногу, баба, с испуганным криком, растянулась среди людей.

"Палына" подозрительно оглядела толпу и заругалась:

— Вам что, делать нечего? Зачем тут собрались? Чужих людей не видели? Расходитесь! Что вы, возле моего дома, митинг с песнями организовали, да ещё и кабак устроили!

Тут появился небольшой, худого вида, кобелёк. Приблизившись к ноге "училки", он принялся подозрительно обнюхивать, а затем, начал пристраиваться к ней, приподнимая лапу с явным намерением обмочить носок "Палыны".

Один мужик, увидев его действия, завыл не своим голосом:

— Гражданы, сальчаны, точно придвидение эта, фынтамас! Каблов ни обманишь, они ня писсуть на живых! Глядитя, кабыздох пыливаить на ейную ногу! Пашла атсюда, курва, иди на энтот свет, нечива тебе тут пысряди живых акалачиваться! Вишь ты, ванпиром она стала! Потому как только они и оживать могут. Мужики, смотри, можить в горлу вцапиться! Бабы, крястите её, кровопийцы дюжа ня любять этыва! Эх, кабы кол осиновый был или железака серебрянная, я бы тогда показал этому упырю яво энтот свет! Враз отправил бы туды!

Сзади, к "ванпирixe" подкрался пьяненький мужичок и боязливо ткнул её пальцем в зад. Нина Павловна резво повернулась и отвесила неверящему своим глазам дебилу, звонкую оплеуху.

— Живая она, граждане! Вишь, какая бойкья! Ой, как больно хряснула пы маёй па морди! — завопил мужик. — Ды ты што, разве так можно, Палына! Чуть не убила мне! Ой, как сыданула, рожа вяликим агнём гарить! Ну и што, как училка! Подумаешь, разок только к жопи притронулси, дажить и ни пыдяржалси. Ишь, прынцесса!

— Ты что руки распускаешь, козёл пьяный, я тебе дам принцессу! Ну-ка пошли по домам, пьяницы, нето сейчас кобеля спущу! — пригрозила, не понявшая до конца ситуацию, женщина (то ли ещё было бы!) и пошла к дому.

Толпа заволновалась, видимо, некоторые помнили о последствиях встреч с её собакой.

— Уже уходим, Палына. Пошли, мужики, у ней боксёр, что тялок, мигом наши дырявые штаны спустить. А там и до гянталиев нидыляко, в момент отгрызёт, оставит никудышными, окаянный.

— Ды ты, что жа это, паганец такой, тут набрехал!

— накинута на меня женщина, которая сама, же и объявила о смерти "Палыны". — Разве так шутють? Правду гыварять, что гырадские хамлеты, совисть пытяряли. Оно и видно!

Я пытался что-то сказать, но мне не давали открыть рот. Что я только не услышал в свой адрес! Какие у нас непредсказуемые люди!

Один мужик кричит:

— Вы зачем на мертвяцком катахвалке к нам припёрлись? Теперь, точно кой-та помрёт, пытаму как яму мертвяки всягда нужны! Бяда пы сялу пойдёт от этой машиняки!

Другой:

— Верна, примета дюже плохая, исчезь рыдван надуть! — выдав заключение, дурак достаёт спички и лезет под машину, к баку с бензином. Я тащу его за ноги и кричу:

— Ты соображаешь, что делаешь, идиот пьяный? Бензобак взорвётся, на воздух взлетишь вместе с машиной, и люди невинные пострадают!

Он сучит ногами, бьёт ими меня по рукам и надсаживается пьяным голосом:

— И няхай памру, на миру и смяртушка красная! Зато обчество избавлю ат этого вонючего дохляцкого автомобиля, и Палыну тогда никуда не увезёте!

Вытащив его и дав, пинка, я громким голосом объявил:

— Люди, никто здесь не умер, зря вы паникуете! Мы приехали в гости к вашей Павловне, она жива и здорова!

...Подходит Василий и говорит:

— Ошибся я, Иван, дом похожий. Был я здесь всего один раз. Женщина сказала, что Тамара живёт на соседней улице.

— Ох, Василий, меня едва не убили....

— Ну, што, живая? — спросил маленький старичок, приставив к уху руку, — ошибышний вызыв?

— Жених к вашей Тамаре приехал, — объявил я ему, — понимаете, будущий муж!

— Ух, ты, значит у Палыны и ухажёр был? А что жа он, раньше-то, не приязжал, не в кутузке ли отсиживылся?

— Нет, не в тюрьме. Потерялись они друг от друга. А теперь вот встретились, — объяснил я.

— Ах ты, мать чясная! — удивился дед, — вон как бываить! И насколько они рызались?

— На десять лет, — наугад ответил я.

— Ишь ты, надолго! Вот ведь истории, какия случаются! — удивился дед. — А машиняку-то, милок, зачем выбрал такую? К любе на подобных не ездят, а народ бударажите! — попытожил дед и пошёл по своим делам. Убедившись, что Палына жива, начали расходиться и остальные.

Мы переехали на соседнюю улицу. Деревенский телефон уже предупредил Тамару. Счастливая женщина, стоя у порога дома, обожающим взглядом смотрела на своего любимого. Глядя друг на друга, они забыли о моём присутствии и вошли в дом. У забора, рядом с машиной, уже стояло несколько человек. На лицах отражалось деревенское любопытство.

— Эй, мужик, вы кто такие? У нас сичас жмуриков нету! — объявил один сельчанин, — с утра мне никто не званил.

— Николай, ды не за холодными они приехали, а жаниться на нашей Тамарке, панял? Хырашо-то как, выпивать на халяву будим! Свадьбу-то на когда назначили?

— Жаниться! Ды разве ны таких рыдванах приезжают сичас! Теперь Мерседесы подавай. А где жа украшательства ны машины? Ни лентов, ни колец, да ещё и шарабан мертвяцкий! Не похоже на свадьбу. Эй, мужик, вы не из дурдома выскочили? Высмеют вас в загсе, лучше ни язжайте, жизнь будить плохая у молодых! А Тамарка—то наша ничяво!

В это время выглянул счастливый жених и крикнул:

— Иван, иди в дом, обедать будем!

— Сейчас приду, — ответил я.

— А жениха-то как завуть? — задала вопрос одна женщина.

— Эдмонд, — пошутил я.

— Ух, ты, пряма как графа Монтакриста в кино! Это надо же, сколько романтики у Тамарки! — поразились одна женщина, — а фамилия яво случаем ни Дантескин будить? — спросила она.

— Нет, я пошутил. Зовут его Василий, — сказал я.

— А, хрен редьки не слаще! — брякнул другой, ничего не понявший из разговора, мужик.

— Ой, как я Тамарке завидывью! Теперь ей спать будут не давать. Щастливья! Хырашо бы и мне так жа! — мечтательно закатила глаза женщина, лет сорока пяти. — Дядька, можить ты и мне бы какого завалящива мужичка привёз, в женихи! А то у нас-то все бисталковыи, алкашики праклятыи. Ни у кого уже не маячить! Толька сымагон хлещуть ды штаны мочуть. У всех уже мотня гнилая. А у некоторых ды таво истрепалось, что вся безобразия наружу видна, крючкём висить, посморщилась и всё синия. Их хозяйство давно уже и самих-то ня греить! Што с них, калик убогих, взять! Алкоголики нясчасныи!

Нядавно привела одного: накормила, напоила, а он и уснул за столом, прапойца! Уж сколько не теребила я его, как ни старалась, всё бестолку. Да привыкла уже одна, приспособилась. А мужичка настоящево, конешно, надо бы. Таскую я по любви, ох как страдаю! Пряма спать ни магу. Полночи сохну, а другую половину кричу в подушку. Вот, жизнь какая!

— Ладно, присмотрю вам кого-либо, — отшутился я и, извинившись, пошёл обедать. Василий с Тамарой были сами не свои. На их лицах отражалось счастье.

Вскоре мы уже втроём катили домой.

Сексуальная терапия

Посвящается шутнику, покойному
деду Слукину Василию Ильичу.

В последние годы, на лето я езжу в глухую деревню Воронежской области. Там время остановило свой бег: и природа, и люди другие, а уж говор их деревенский, как нигде. Сосед у моей хозяйки смешливый дед Василий Ильич. Скажет иногда такое, что хоть стой или падай. И не поймёшь, шутит он или всерьёз говорит.

Как-то иду я, не спеша, к дому. Старик сидит на лавочке под окном и зовёт меня. Я подхожу. Он сажает рядом с собой. Мимо скорым шагом спешит уже немолодая, но приятная женщина. Василий Ильич нарочито громким голосом говорит:

— Смотри, Иваныч, как секыс действовать на бабу! Вот эта дамочка — Анфиска, недавно, прямо совсем помирала!

"Воскресшая" резко "тормозит". Дед продолжает:

— Бабёнка-то нягодная была по всем статьям, да! Спина кривая ды горбатая, и ремантизм у ней был, и ноги прямые, пытаму как в коленках не гнулись. Ходила, как на ходулях! А наши бабы недавно новую лекарствию открыли — секыс! Ну и лечатся все кому не лень. И что стало? Посмотри на ниё: Жаконда! Настоящая Лиза, даже и без всякой Моны! Вскоре можить стать российской маделью мировой известности!

Женщина останавливается против нас и, приложив козырьком к глазам руку, делает вид, что смотрит куда-то вдаль. Василий Ильич громко продолжает:

— ...Ну, ды того помолодела баба, я прямо сам стал на неё завидывать. Посмотри, как хороша Анфиска! Гляжу, и сердце колотится! А всё секыс! От него все бабы болезни проходят: и тоска, и депрессия. Говорять, что можить даже и любовь прийтить. Во как! Что деется-та! Как же им раньше-то не догадались их лечить. Всё говорили: у нас в СэСэСэРэ секыса нету, а потому и проблем, с ним связанных.

Я спрашиваю:

— Василий Ильич, что-то не пойму: ты, о чём говоришь? О взаимоотношении полов? Или о каком медицинском препарате, с подобным названием?

Ильич отвечает:

— Так у нас тут это одно и то же. Секыс, как лякарствия! Но в частых приёмах и опасныя. Он же, как вредныя привычка. Тут владеть собой надо. Не совладаешь, затянить, и станешь сексуальным наркоманым. А бабы, они слабые половые существа, особливо на передницу. Вот и маются от этого: и тоска у них, и печаль, и всё прочее с депрессией вместе. А от этого и бalezни ихние, специальныя.

Тут у нас один мужик есть: молодой ещё, но дюже тощий. Вот он мучениц и лечить. Когда жана у него была, она больных страдалиц не допускала к нему. Сама видно каждый день лячилась. Она была у него сердешница. Бывало во время сеанса кричить в окно: "Госпыди, сердце моё захаживается!" Да и не раз в день кричала. Потому, как видно залечилась и быстро померла. А она была уже пятая у него. Больше он не стал жаниться. А зачем? К нему страждущие бабы валом повалили, толька успявай, лечи. И откуда такое количество болезных взялось! Вон Анфиска стоит, подслухивыить нас с тобой. Крючкём была, вопросительным знаком! А теперь Мерялин Манрова! Хоть на выставку, в Парижу! Видно, дюже полезно ей сексуальную процедуру дельть. Прямо сам завидую на неё. Жаконда! Эх, был бы я помоложе, подмогнул бы яму, лекарю-то. Дюже он худой стал. Жалко доктора. Все лекарствия вытянули из него, бесовы отроды. Бягутъ, как мухи на мёд. Ни стыда, ни совести! Бывает дажить и здоровые, замужние прибегаютъ. Кружится вокруг яво бабёё, как куры возле петуха. А иной раз, некото-

рые "больные" бабы прямо голосуют! Отчаяво, спрашивается? Ведь не помирают, а кричать! Каким гипнозом он на них так действовать? Вопрос! Путём логичеcких мышлений я пришёл к выводу: значить, "лекарь" у няво хороший! Мой-то, к примеру, давно уже всю искусству потерял, водопроводным шлангом висить! А там, видать... труба!

И что поделаешь в этом дели? Бабья болость, она пристаёт почти ко всем, а мужикам это проблемы доставляет. Они уже не раз бивали доктора за то, что лечить всех подряд. А оно, если подумать, он-та тут причём? Придётся, сердешная, вся крючкём, ноги прямые, в коленках ня гнутся. Как тут не помочь? Ну и атхаживыить. Зато после сеансу, они от няво, прямо, как на крыльях улятают. Блаженные! Пыгляди на Анфиску, ох, хороша! Пряма Танька Даронина! Смотрю на неё, и сердца моя заходится. И живёт одна. Иваныч, хочешь, свяду вас. У лекрыя-то "гипноз", какой бы ни был, а всё равно общественный, а у тебе индивидуальный. А они всягда хотять персональныва, потому как эгоисты все. Не теряйси, пылячи сердешную.

Я отрицательно качаю головой.

А "Танька Даронина", услышав последние слова деда, опускает руку и с видимым интересом поворачивается к нам:

— Василь Илич, ты мне звал? — певучим голосом чирикает она, с "тоской и депрессией" смотря на меня, — я вот шла мимо, слышу, вроде зовут, ня ты ли?

— Нет, бяги куды мчалась, кура бройлерная! А то нядавно Сычиха, крючкём согнутая, пробежала. Не иначе, как к петуху, лекрыю вашему. Бяги, лякарствия не достанется.

— Ох, и змей же ты, подколодный! — шипит на деда Анфиска, — чяво ж ты мне зубы заговаривыишь, без толку?

И приподняв юбку, уже бегом, помчалась в необычную "больницу", к особенному "доктору". Прямо, как на крыльях полетела. Василий Ильич, с завистью и сожалением, масляными глазами, смотрит "Жаконде" вслед, умиротворённо кивает головой и вздыхает: — Эх-х....

Простатит

Проезжал я как-то мимо знакомого живописного села. Говор там из смеси слов русского и белорусского языков. Здесь живёт дед Василий Ильич. Напоминает он мне чем-то шолоховского Щукаря. Я решил заехать к нему. Подъезжаю к его дому, а дед Василий на заваulinке сидит. Поздоровался с ним, присел рядом, а Ильич рад покалякать с новым человеком. Настроение у него хорошее, даже весёлое. Значит, расскажет что-нибудь "этакое".

Я спрашиваю:

— Как жизнь-то, дед Василий?

Отвечает:

— А что жисть? Жизня у мене лафа: тепло, светло. А типерича и вовсе мёдом кажется.

— А что случилось сейчас? — спрашиваю.

— А то, огорчало меня, что жил один. А дед я ещё крепкий, в "силах", так сказать. А тут ещё простатит окаянный давно мене донимал. Болезнь дряная и с лекарствами терпеть ещё можно, но всю оставшуюся жизнь, как в платный туалет ходишь, потому как Пристамол дорогой. А наемдни, в передаче о здоровье, озадачила Ленка Малышева. Она сказала, что длительное воздержание от половой жизни, у больных простатитом вызывает скопление какого-то сикрета во втором сердце мужчины и это приводит к онкологии. "О-о, — думаю себе, — а сколько я терпел! Можить у мене уже целый литр набралось экскудата-то этого? Или рак уже!"

Я в больницу: болести нет, но железа увеличена! Значить, правда, скопилось.

Я к Малышевой, зы советом. Объяснил сихтуацию. Она говорит:

— Вам надо освобождаться от избытка сикрета во втором сердце. Ищите "сговорчивую" бабушку. Действуйте, а я вам как-нибудь позвоню, поинтересуюсь, как ваши дела?

— Постой, Василий Ильич, как это ты с Малышевой встретился? К вам в деревню приезжала что ли? Заливаешь, как всегда!

— Иваныч, ты пряма как с луны свалился! Про Интернет слышал? Про Скайп? У меня внук знаешь, какой пронырливый в Интернету! Там я и балакаю, она охотно со мной говорить и даже подшучивать.

Я изумленно покачал головой: ну и дед!

— Ну вот, забыл, на чём остановился....

— Ты говорил о разговоре с Еленой....

— ...А, вспомнил. Так вот, ей-то сказать просто, а как мне найти "сговорчивую" бабушку? Мои попытки установить более "тёплые" отношения с бабками-соседками, подругами моего юношества и взросления, получили полный отлуп. Чайкю попить некоторые соглашались. Но, когда я, как бы, между прочим, говорил: чайкю попьём, а там, глядишь и сообразим что-нить..., то ровесницы вскакивали и убегали с выкрикиваниями моих характеристик, о которых я раньше и не подозревал.

Клариса, не первой свежести бабка, воскликнула:

— Ишь, чяво захотел, казёл старый! В жисти мимо ходил, а тепер надо ему! А когда мене надуть было, в мою сторону дажить не глядел!

Стешка ей вторила:

— А я по молодости сама ему на шею повесилась. Он мне целый месяц, на сеновале, сказки о любви рассказывал и показывал, как это делается. А потом слинял в армию и забыл о них. Ух, ирод! Пошли, я тебе вмиг вылечу от болячки: черкну ножичким и болеть будет нечему.

Третья, Мария-училка, сама интеллигенция, ей поддакивала:

— И я в то время заразилась им. Ох, как я страдала! Всё подушку по ночам грызла. За полгода изъела всю, а он в мою сторону вовсе не глядел. Я даже подмигивала ему. Несколько раз на коньяк приглашала. Не пришёл даже на халяву.

— Так жана же у меня была в ту пору, — говорю ей.

А она кричить:

— Ну и что жана? Не обмылок же у тебе, авось не измылился бы! Хватило и ей. А теперь, ишь ты, яму надо! А вот это не видал! — показывает мне два кукиша и говорить, — если бы могла ногами также сделать, показала бы тебе четыре шиша и голый зад.

Хател я ей кое-что сказать насчёт её задней части, которая и в одежде выглядеть клёпом, а уж голая-то, наверное, совсем..., да передумал: мне не такие отношения нужны. Зачем усугублять ситуацию! Но всё-таки не вытерпел и съехидничал немного:

— Мария, сколько у тебе зла, наверное, подушки кончились!

Тут звонить мне Ленка Малышева:

— Как у вас с сердечными делами, Василь Ильич? Какая-нить бабушка пригрела вас?

Я объяснил ей ситуацию со старыми воронами и сказал, что, сколько не чирикаю с ними, в моё гнездо ни одна не спяшит.

А она говорить:

— В молодости перед девушками, наверное, соловьём заливались?

Я сознался:

— Дажить пел, ды ещё как пел! Высоко лятал. Жаль, — гыварю ей, — вас тогда не встретил. И вам бы спел, какую-нить арию аль сирянаду.

— А что же сейчас-то? — спрашивает Ленка, — голос потеряли?

— Удитория измянилась, — гыварю, — раньше мне окружали горлицы и голубки, а сейчас грачихи ды вароны. А я сверху донизу ещё сылавей. Не понимают они мыяво сексуальныва пения, болезненныва и страдательскыва. Что же мне теперь каркать по-вороньему!

— Надо учиться, — был ответ, — это же вам нужно, тем более что и доля ваша давно уже не соловьиная. Слушайте, о чём они каркают и как, и подпевайте им, глядишь, и примут в стаю, — учить мне Ленка. — А дальше уж всё будет зависеть от вашего пения.

Как шёл процесс моей климатизации в вороньей стае долго рассказывать. Скажу одно: научились я каркать по ихнему и с профилактикой последствий простатита дело наладилось. И в моём доме стал появляться борщ и другие диликатесы, сваренные одной из варон, прошу прощения, пожилой поварихой.

А подкаркываю я им так. Сидим на лавочке, из дома выходить девушка: студентка, спортсменка, стройная, как кипарис. А Мария-училка, на которую я в молодости не обращал внимания, ну та, которая по ночам подушку грызла, увидев молодуху, каркыить:

— Смотрите, спортсменка пошла. А костями-то как вихлять! Госпыди! Чем вихлять-то? Ходилки из спины растут, переходной части между ними и спиной совсем нету. А ноги-то: спички, сделанные из сыксаул-дерева. А какие у меня по молодости были! Чай помнишь, Василь Ильич?

Я ловлю волну и по-быстрому с ответом, то есть, каркаю:

— Да, Мария, ножки у тебе были как у Мерялины Монровый, из Парижу. Да они и сейчас у тебе, как у мировой кыралевы красоты. (Ох, как я кривлю душой! Ани у ниё, как у кывыляриста, только что сошедшего с коня).

После мыяво каркынья, бабка Мария уже свысока поглядывыить на своих товарок и спрашивать мне:

— А борщ-то мой не кончилси ещё у тебе?

— Всё съел, — всегда говорю.

— Ладно, так и быть, загляну вечером, что-нить состряпаю и "чайку попьём".

Вот так и живём. Через какое-то время подкаркаю ещё и опять, вечером, Мария-училка, сама интеллигенция, придёт ко мне. Пожурить за бардак в доме, сварить фирменный борщ. Мы попьем чайку, а там, глядишь и сообразим ещё "что-нить", потому как Мария тоже не считает себя отработавшим мытриалым (материалом) и ни спяшит на свалку жизни. И мне это на руку. Разве плохо, когда лекарства бесплатны и всягда под боком! А ночью, я — старый ворон, провожаю интеллигентную варону до её "гнязда": берегу своего лекыря от ночных собак.

Улёплый

Однажды, я приехал на лето в далёкую деревню Воронежской области. Особенность этого села в том, что всё население помешано на тараканьих бегах. А их великое множество в каждом доме. Для бегов там выращивают "скакунов" — тяжеловесов. Накачивают их всевозможным допингом, чтобы быстрее бегали или больше тащили груза. Как мне доложили: самый большой рекорд был, когда таракан-тяжеловес, весом в семь граммов, протащил на тележке груз весом в тридцать! Все родственники мужика ходили на ушах от гордости за своего таракана-рекордсмена. Говорят, пока он достиг семи граммов веса, съел полкило мяса и выпил стакан коньяка. Играют все. Сражаются везде и всюду. Мужики, парни, дети, ходят по деревне, а их рысак всегда при них, в спичечных коробках. Играют с таким азартом, что аж "лицы" бьют друг другу.

...Устроился я в комнате и вышел на улицу, посидеть на завалинке с хозяином квартиры дедом Трофимом. При ближнем знакомстве он долго тряс мою руку. Мы присели, старик сказал:

— Опоздал ты, Иваныч, с приездом. Надо было вчера приезжать, потому, как у соседей свадьба была. А, да вон, кажись и женишок идёт. Представляешь, всю жизнь с другими обалдуями тараканьи бяга устраивал, а, поди ж-ты, жанилси!

По улице, опустив голову, с озабоченным видом, шёл молодой человек. Дед Трофим окликает его:

— Колька, ты чаво такой убитый-та? Бяга проиграл што ли? Радоваться надо: жанилси, а ты ни вясёлый! Иди-ка к нам, посиди ды рсскажи чаво-нибудь.

Молодой муж поворачивает. Подходит, садится, вздыхает. Дед спрашивает:

— Ты чаво смурной-та?

— Ды чаво, всю ночь глаз ни сомкнул! Манька не давала отдохнуть. Сивухи свякольной напилась, дура, вот и не спалось ей.

Дед подмигивает мне и спрашивает жениха:

— Што, всё время тынцавала от радысти?

— Если бы плясала, я бы уснул. А она всю ночь лезла ко мне. Я атвернусь от ниё, так она с другой стороны лажится. Я ей говорю:

— Ды атвернись ты, не дыши на мене свякольным шмурдяком, знаешь же, что я не пьющий. Памру от твоего духмана!

Дед Трофим смотрит на меня, а в глазах у него слёзы от едва сдерживаемого внутреннего смеха. Спрашивает:

— Так чаво ж ей надо-то было?

Парень пожимает плечами:

— Ды кто её знать? Ляжить, прижмётся и молчить. Толька дышать часто ды лезить целоваться. А я сымогона не тярплю, прямо пымираю от яво запаха! Я её спихну с кровати, так она с другой стороны — вот я...!

Гыварю ей:

— Чаво тебе надо? Зачем лезишь ко мне? На полу места мало? Не хочешь там, ложись тут, я пойду туда.

А она: "Мама говорила мне, что после свадьбы я должна лечь к мужу под бочок и прильнуть к нему".

Я отпихиваю её и говорю:

— Зачем прижимаисси ка мне? Здесь и без тебя жарко, терпения нету, а тут ты ещё, как печка полыхаешь свякольной сивухой! А мая мама говорить, что, если лёг в кровать, значить спать надо, а не рукаблудить! Так что ничяво ты не должна. Иди отсюда на пол и спи! А то

дышишь, как Змей Гарыныч напалмом! Отравить меня хочешь или сжечь? Чаво ты привязалась, как сумашедшая?

Плечи деда Трофима трясутся от сдерживаемого смеха. Жених продолжает:

— ...А она говорить опять: "Ня знаишь ты, что после свадьбы бываить?"

Я говорю:

— От такой сивухи спать все пьяным сном. И ты ложись и дрыхни.

А она: "А ты-то ня пил! Чаво ж тебе-то спать?"

— Что же, — говорю я ей, — тараканов мне ночью ловить што ли?

А она: "Так и я ня сплю, чтобы тебе не скучно было. Вот и давай рызвлякаться вдвоём. Для этого я и ложусь к тебе".

Я ей объясняю:

— Да ты что, сбясилась! Все спать, а мы с тобой включим свет и будем тараканов гонять! Да? Ды они ночью и бегить, как надо ня будут. В такое время сыревнования с ними никто не делыить. Какие же в темноте бяга? Сразу видно: ничяво ты в этом дели не пынимаешь! И ня жмись ко мне, жарко, — я опять спихнул её с кровати на пол.

Тут дед Трофим не выдержал и начал смеяться во весь голос. Тараканий управляющий с подозрением смотрит на него. Спрашивает:

— Ты чаво балдеишь, дед? Што я сказал смяшнова? Не ведаешь, что тараканьи бяга устраивають днём? А пычяму, знаешь?

Старый отрицательно качает головой.

Парень:

— Эта пытаму, что тараканы твари ночные, а днём, при свете, у них стресс бываить и потому ани от няво быстро бегють. А эта дурочкя хочет ночью бяга устраивыть!

Дед отсмеялся и спрашивает:

— Что же вы так и проговорили всю ночь про тараканов?

— Ды нет, изводила она меня по-всякому: то целоваться лезить, то верхом устроится, то прижимается ко мне и всё малчить, и вздыхаить. А мне жарко от неё и задыхаюсь от сивушнова духмана.

Я уже на ниё гавкаю:

— Сколькя разов тебе говорить, что бы шла от меня! Я тебя не звал к себе! Что ты мою душу изводишь?

А она спрашиваить: "Милый, о чём же ты сичас думыишь?"

Я ей говорю:

— Об том, как мне обойтить ны бягах Васькю Кривова! Тыракана его — Мамынта. Мой-то чижиловес хоть и прозывается Мостадоном, но вижу я, что он слабее яво!

А Манькя мне: "Количкя, ну зачем ты ночью мыслишь аб этом?"

Я говорю ей:

— Во, а когда же думыть, па-твоему? Днём уже бяга, а вот ночью и надо придумывыть разныи стратегии.

А жана мне пытаить, надо же придумать такое:

"Дорогой, можить ты улёплый? Возможно, шарики у тебя не смазаны, или тяжёлое что, когда, на тебя уронили? Потому низ-то и не работает! Отчего же ты такой копоткый?"

Я не соглашаюсь:

— Никакой я ни тугой. Пусть будет па-твоему: наловим тараканов сичас, но бяга сделыем днём, чтобы стресс у них произошёл от света....

Трофимыч перебивает жениха:

— Колякя, ты откуда шёл?

— От Маньки. Она ночью убяжала дамой и сичас ни пошла со мной. Прямо не знаю, как уговорить её вернуться ко мне!

Дед поучает:

— Ты пойдёшь к отцу и поведай обо всём ему. Он подскажет, что тебе надо делать.

"Колька" обрадовался:

— Правда? Он знает?

— Конечно. Ня знал, ты бы не появился!

Радостный жених побежал домой. Дед Трофим покачал головой и произнёс:

— Что тут скажешь?

Улёпленный, он и есть улёпленный!

Синенькие (баклажаны)

Как-то довелось мне проезжать мимо знакомой деревни. В ней время приостановило свой бег: и природа, и люди другие, а уж говор их, деревенский, как нигде. Решил я заехать к моему другу, смешливому деду Василию Ильичу. Скажет иногда такое, что хоть стой или падай. И не поймёшь, шутит он или всерьёз.

Подъезжаю к его дому. Старик сидит на завалинке в окружении двух женщин. Увидев меня, обрадовался, замахал руками. Подхожу, поздоровались за руку. Сажает меня напротив себя, на стоящую табуретку. Лукаво поглядывая на меня, говорит:

— Иваныч, ты городской, рассуди нас. Вот бабы говорят, что ат пьяниц толку нету в сексыальным смысли. А я всю жисть выпивал, а ихнего брата полсела пыдо мной перебивало. Как жа так, а? Игде же она, правдивыя филасохфия?

"Ну, — думаю, — Василий Ильич в своём ударе. Любит женщин поддевать".

— Ну, пынясло! — возмутилась одна из них, — у тебя всё одно на уме! Старый ведь, пора забыть бы уже о том, что было когда-то.

— Ну да! С вами забудишь! Ходите тут, одна лучше другой и все без мужиков. Сярдца мои толька тревожитя!

— Можно подумать, что их у тебя два аль три.

Василий Ильич поглядывает то на одну, то на другую, хохочет:

— А как жа! Уж вам-то ня знать, замужем-то обе были! У мужиков одна сердца ны сваём месте, а другая внизу и ей сложнее грудной. Пытаму, как должна работыть при любом состоянии хозяина: тверёзым или пьяным. А это трудно, но она всягда работыть, сам знаю — хотя и выпивал много!

— Ды што ты всё алкашей расхваливыишь? — возмутилась сидящая слева от деда женщина Нюрка, — ничяво у них не работыить! Я двадцать лет без мужика и всякое была. А с пьяными никогда не получалось. Мучиють толька бесталковыи, алкаши проклятыи, ни у кого их сярдца ня бьются. Ихнее хозяйство давно уже самих-то ня греить: крючкём висить, посморщилось и всё сининькия....

Мимо нас, показно, спешит уже немолодая, приятная женщина — Анфиска, по местному. Я её знаю. Василий Ильич, в ранние мои приезды, познакомил с ней и расхваливал, и жаловался одновременно:

— Пыгляди ны Анфиску, Иваныч, ох, хороша! Прямо Танька Даронина! Смотрю я на ниё, и сердца мая заходится. И живёт одна.... ццц, ан не могу: ни всягда типерь жалания с возможностями сывпадают! Вот до чяво дожил!

...А сейчас, услышав последнее слово Нюрки: "сининькия", "Танька Даронина" резко останавливается и, не дав ей закончить свою мысль, вклинивается в разговор:

— ...А я люблю синенькии во всяком виде: и кривыя, и прямые! Какая разница, всё равно с них шкуру срезать и на куски шинковать. Их можно и пожарить, и помылиловать. Во всяком виде ани хыраши и приятны. Очень дажить хороший фрукт, хоть и морщится всягда.

А Нюрка заканчивает свою мысль о алкашах:

— ...а уж как воняить от них!

Анфиска делает удивлённое лицо:

— Ды что ты гываришь, Нюрка? У них своябразный запах, а как по мне, так очень дажить хороший и приятственный.

— Ды у тебе и все алкаши славныи, потому што сама пьяница! Стаишь, буробишь ня знамо што! Принимаишь всех подряд, особенно, если с бутылкый. Тебе всё равно, синия у них али фалетовое (фиолетовое). Нажрётесь, ды спать! Тут уж ни ды баклажанов.

— Чтой-та я ни пайму. А ты-то чяво болтаеш пра сининьки? Если ня любишь их, чяво зря хаишь? А я употребляю их ва всяком виде и они у мене жаланные и ны столе, и в подвале. Я их дажить на зиму мылирую (мариную).

И как бы только увидев меня, улыбается и здоровается:

— Здрасти, Пётр Иваныч!

— Здравствуй, Анфиса, — и подхваливаю, — ты всё хорошеешь!

У красавки ходуном заходила грудь, и она говорит, жеманясь:

— Зашёл бы как-нибудь, Пётр Иваныч Знакомы давно, а всё абходишь мене. Я бы тебе мылированными сининькими угостила, ох, хыраши! Один дух чего стоит!

— Нечего ему у тебя дельть! — встряла в разговор женщина, сидящая слева от деда, — он порядошный и ня пьющий, и уж наверняка ещё ня сининький, — и женщина, кокетливо взглянув на меня, поправила волосы.

— Ды што ты взялась: сининьки ды филетовыи! — возмутилась Анфиска, — что тебе их силой в рот пихают, что ли? Ня хочешь, ня ешь! А я ат сининьких прямо мыладею и дажить похудела.

Она томно и призывно погладила бёдра:

— Сматри, какие! — ни силикона, ни сылафана, а! — Анфиска, словно на подиуме, медленно повернулась, демонстрируя прелести под обтянутой юбкой. — Василь Ильич гыварить, что вскоре можить стану маделю мировой извесности!

— Вот сучья, какая, а! И ня стыдно тебе! — возмутилась женщина сидящая справа от деда, — пряма силком тянить мужика ны сваи "сининьки", как будто ани у ней одной есть!

— У тебе они пыкупныя, а у мене сваи, — не обращая внимания на оскорбление, возразила Анфиска, — а их вырастить, уу! Один жук кыраладский чяво стоять! Я сутками радею над ними.

Зарождающаяся знаменитость взмахнула руками, показывая, как она заботится о баклажанах. Её оппонентка громко засмеялась:

— Не над ними, а пыд кустами и с бутылкою в руках! А эти врядители, видна не любят сивушный дух, ды который идёт к тому же из трёх труб.

— Ну, что ты брешешь, Агнюшка! — возмутилась будущая "мадель", — увидала раз-два, так теперь и насовсем прописала под сининькими. А я, можить, просто зыгарала на огороде. Почём тебе знать?

— Да, — с бутылкою в руке и с голой задницей, из которой, как из паравозу дым, шёл сивушный запах. Какие уж тут жуки! Они ны маём-то, соседнем с твоим, огороде, ны картошке, все подошли! Вот за это спасибо тебе, ни разу за лето, не травила их!

— Ох, и курва ты, Агнюшка! Всё высмотрела, нябось, все глаза прыглядела, сучья! А о каких трёх трубах ты брешишь?

— Так, на огороде, с тобой ещё Колька Пискарь и Митька Сучок ляжали и тожа с голыми задницами. Вот вы и дули в три дымохода после сивухи. Полсела сматрели и слышали, как вы "гукали" в бороздах!

— Иххх! — издала воинственный клич Анфиска и запустила руки в волосы Агнюшки, — ах, сучья! Щас я тебе пабрею твои патлы. Будешь знать, как подглядывать за соседими.

Женщины грузно свалились с лавки. Агния тоже была не промах. Она также схватила за кудри Анфиски, но не кричала, а выдёргивая их пучками у соперницы, пыхтя, приговаривала:

— Ах, ты кура бройлирныя! Сичас я атважу ат тебе всех вонючих петухов! При тваём виде, они дажить сы сваим синим хазяйством, стороной обходить тебе будут!

Тут на лежащую сверху Анфиску упала Нюрка:

— Атпусти подругу, сучара! Ты за что в неё вцапилась? За правду! — и давай тоже рвать космы конкурентке. Та взвыла уже в два голоса.

Я вскочил с табуретки и с криком:

— Женщины, что вы делаете? — кинулся к амазонкам, но меня придержал за рукав Василий Ильич.

— Не лезь, Иваныч, а то и ты получишь. Когда бабы дярутся, мужику лучше зрителем быть. Ани пачти каждый день на селе сражаются.

— Но как же, Василь Ильич, посмотри, волосы пучками летят.

— Ничяво, новии вырастуть, а они завтра, как ни в чём, не бывало, рызгаваривать будутъ. Не обращай на них внимания.

— Ну, тогда мне пора, — сказал я.

— А может, чайкю? — спросил-предложил дед, — попьём, ды на бясплатный концерт посмотрим. Они долго ещё будутъ валтузить друг друга.

— Нет, спасибо. Василь Ильич, ну сделай что-нибудь с ними. Смотри, что творится! Нехорошо-то, как вышло.

— Сичас я их утихомирю, не сумлевайся, Иваныч. Язжай спокойно. Ды ни забывай деда, праведывый. Видишь, как у меня интересно и весело!

Я шёл к машине. Сзади слышались вопли Нюрки:

— ...я тибе так атделью, что сама сичас вся сининькия будишь!

О Парамоне Жуковском

Рассказы о сельском пьянице. Его логика, любовь, видения.

Весна. Тепло стало. Выгнал я из гаража свою "семёрку", решил "поковыряться" в ней. Подходит ко мне Парамон Жуковский, мой сосед по улице, живёт недалеко от меня. Две сущности в одном лице: алкаш тёмный и лодырь, каких поискать! Сейчас ему скучно.

— Здорова, сусед!

— Привет, Парамон!

— Ты чяво, решил машину наладить?

— Да, надо, — говорю, — кое-что посмотреть, подрегулировать.

— Ох, а мне сы сваёй Шкодией прямо никак некогда заняться.

Мне становится смешно.

— Чем же ты занят, Парамон? Ты не работаешь, дома ничего не делаешь, двор, как после войны.

— Ды в бяхах я целыми днями, Иваныч, попробуй найти выпить сичас. Ага, дураков уже нету, просто так нихто не нальёт. А работы неохота. А тут все, как с ума пыисходили: исделай то, выручи в этом, потом налью! Особливо бабы одинокыи, проходу не дают. Нашли работника, ага! Я теперь ни сексыальна, ни физичецки трудиться, ни магу. Слабодный я сичас человек! А от работы, дажить лошади дохнуть, а я существовать хочу и сивушку пытряблять. Вот и получается, что каждый день, с утра и до ночи ищешь халяву.

— А как же другие, Парамон, работают, имеют деньги и живут.

— Эх, Витькя, ды разве жисть эта? Ны работу, ды с ние, атдохнуть некуда, а ночью спать, снова не переводять дух. Ну и зачем мне такая жизнядеятельность? Я люблю культурию: сесть игде-нибудь на природы, выпить, закусить. Витькя, ты не представляешь, хырашо-то как, блыгадать-то какая!

— Да почему же, представляю: кругом всё завалено мусором от ваших культурных "атдыхов"!

— А-а, опять ты за свою воспитанию. Ох, и нудный же ты, Витькя!

Слыша наш разговор, подходит мой сосед с другой стороны:

— Здорова, мужики!

— Привет! — здоровается Парамон.

— Смотрю, толпа собралась, дай, думаю, схажу, пыабцаюсь. А ты, Виктыр Ваныч, ряшил значить машину падделывать? Ох, мне бы тоже надо в своём Мерине пыкывыряться ды всё некуда. Руки не доходят, жана покоя не даёт.

У соседа Николая Мерседес, наверное, ещё самых первых выпусков. Штирлиц позавидывал бы на это ретро. Ржавый весь, на чём только всё и держится. За четыре тысячи рублей купил три года назад: два раза выезжал из двора.

— На свалку, жирыбца твыяво рыжева, ржа яво всяво проела, — говорит Жуковский, — названия адна астались! — ехидно смеётся.

— Ох, рызашёлси! Твоя-то Шкодия недыляко от мыяво ушла: вся перекособочиныя после аварии! Она и ездить-та будить боком.

— Какая бы ни была, она пачти новыя и мине задарма досталась. Ды и делать там почти нечыва: кырло зымянить, ды фару поставить новую. Зато ана сильней тваей развалюхи.

"Шкоду" Парамону подарил местный фермер. Мужик глупенький, но в процессе эксплуатации сельчан себе на уме. Имея хорошую Шкоду, пьяным попал на ней в небольшую аварию и сделал "широкий" жест. Тут же, на месте происшествия, подарил её первому встречному, а

им оказался Парамон, сельский пьяница. Теперь Жуковский не знает, что с ней делать: ездить нельзя и на ремонт денег нет. Но выход он нашёл: спит в ней, когда пьяный.

"Разговор" продолжается:

— Это, пычяму она сильней? Не может такого бысть: твоя Шкодия из Чехии, а мой Мирсядес из Ярмании. Пынимаешь, из какой дяржавы! А немцы всягда и везде первыми были. И вообще: сколькя у тваей Шкодии цилиндров?

— Ну, шесть.

— А лашадьев сколькя?

— Сто двадцыть. А у тебе?

— У мене чятыре цилиндра и сто жирыбцов! — говорит Николай.

— Ну, и чяво ж ты споришь са мной? — кипятится Парамон.

— А ты пысчитай, — разволновался владелец "ярманской" марки, — сколькя лашадьев приходится на адин цилиндр? У мене: сто разделить ны чятыре — двадцыть пять. А у тебе: сто двадцыть на шесть — двадцыть, — считает он при помощи карандаша и пачки сигарет. — Панял, теперь, что мой Мерс сильней тваей Шкодии! — Николай подмигивает мне. — Ды к таму же у тебе кабылы, а у мене мерины. А они, сам знаешь, всягда сильней них!

— Пычяму эта у мене кабылы, а у тебе жирыбцы? — возмущается Парамон, — в маторе все лашады одинаковыи.

— Ды ты прислухыйси, звучить-то как: Мерс! Бенц! Слышишь, Мерс! Пачти как Мерин, а завуть яво, значить, Бенцым. Так што твая Шкодия не чята мыяму Мерсядесу!

— Интересно, как ты считаешь! Чую, што ня правильно, а понять ни магу. Как же это так: лашадыв больше, а машина слабей! — Парамон озадаченно чешет голову, не может сообщить, что его машина сильней аж на двадцать "кобыл", как говорит Николай.

Жена зовёт его домой. Он говорит Парамону:

— Ну, ты сыбражай, а я пайду. Моя образина зовёт мене, баится, что напыюсь. Пьяный-то, сам знаешь, какой дурной бываю!

Солнце пригревает. Парамон взял из гаража большой картон — упаковку от холодильника и растянулся на ней рядом, на солнышке. Слышу, запел на мотив песни "Я сегодня ночевал с женщиной любимой...": "А вчяра я пыгулял, с Галькей Пыртунисткою, ничяво не повржадал, и ушёл с улыбкою".

Я спрашиваю его:

— Парамон, что за песенку ты исполняешь?

— А это я паю про то, што у мене ны душе. Чукча, например, поёт пра то, што видить, едя на оленях, а я пра что было.

— И что же у тебя вчера случилось?

— Ох, Витькя, ни паверишь! Вечером, заманила бутылкой мене к себе Галькя Пыртунистка, знаешь её? Хоть и пьяница, а по мне приятственная: дюже по душе она мене. Любил бы я её, если бы.... Выпили мы с ней зелья, попели песняка про любовь, пообнимались и уснули, ды на всю ночь.

Утром встали, а ана мене пытаить:

"Пырамошка, а ты мене ночью-та, ничяво не исделыл? Гляди, алименты платить будишь! Сичас знаешь как: ня сам, так через суд, всё равно уплачивать заставють, ды ещё и за границу ны выпустють".

— Во, акула зубастая, людоедка, какая! Я ей гыварю:

— Ды ты што брешешь-та? Я, почитай уже пять лет, как савсем бязвредный для вашего брата! А ты мене вон, какую статью привешиваешь, пьяница сексыальные! Ты ничяво не сваливай: са мной ня выйдить! Любая кыспяртиза сразу докажить тебе, что я давно уже никудышный. И по сексыальному вопросу мене дажить голый бабий вид ни волнуить.

Объясняет мне:

— Ды это, ещё, я ей так сказал про пять лет, штобы не считала мене савсем никудышным. А на самом деле я никчемный больше, годов десять уже! Грушка-то, от мене из-за этого ушла. Сивуха всю силу мою мужицкую зыбрала. Так что мене уже давно ничем не прошибёшь.

Я уже не мог ничего делать после смеха. Говорю Парамону:

— А зачем ты к ней зашёл? Позориться? Знаешь поговорку: "Кто с алкоголем дружен, тому... (щелчок языком) не нужен!"

— Ды знаю. Так она же мене бутылкый пыманила. И ня лез я к ней, просто так, полапылси, ды и всё. Так сказать, душиньку отвёл!

— А как она реагировала на твои "изыскания?"

— Ды никак, што ей, она спала пьянищая, ни ды тово ей было. А ты знаешь, скажу я тебе секрет: она трусцы не носить, зараза!

Утром, я ей говорю:

— Галькя, ты пычяму без штанов ходишь, дурычкя? Как жа тебе ня стыдно! Ты как нагибаисси, так вся твая гянталия видна!

А она мне и отвячаить:

"Дурак ты, Пырамошка. Вот был бы ты мужик путёвый, такие вапросы не задавал бы, а действывыл. Чяво сичас разговаривыть зазря. Прыбистолковилысь я толькя с тобой!"

— Это, значить, она мужиков так раздражаить и завлекаить. Тьфу! Вот сучкя-то кыбалиныя, а! И Пырамошкой мене назвала со зла. Знать, что я сильно не люблю когда мене так кличуть.

Витькя, ты вот скажи мене: пычяму люди такие глупые бывают? Присваивыють своим дитям вот такие дурацкие имена: Пырамон, или как у моей бывшей супруженции: Грушка! Ещё бы Яблыком или Свяклой назвали. А ещё знаю дваих мужуков: аднаво Явлахом зовуть, а другого, он уже дед, Козолупом. Будто он козу всю жизнь лупит. Во, имечко—та! С ума сайтить можно от этаких имён и хто их толькя выдумывает? Я решил узнать и спрашивыю этого деда:

— Что ж табе родители такую имечку, присвоили? На смех, што ли?

А он рассказывает мене интересную историю:

"Раньше, когда я был малым, имена дитям давали попы, при крещении. А мой батя "подъехал" к попадье, она сама была не против. Свяченик празнал аб этом и назвал мене Козолупом, в отместку отцу, значить. А я когда вырос, так чуть не кастрирывыл попа за это: одну половину гянталии отхватил ножичком, другую добрые люди отстояли, не дали, отбили яво у мене. Судья потом чуть ня помер ат смеха и посадил попа за издевательства над простым людом. Вот, как бываить! Бедный дед, всю жизнь прожил в хохоте людском.

Я едва отошёл от смеха, даже горло заболело. Говорю Жуковскому:

— Успокойся, твоё имя звучит очень солидно: Парамон Карлович, даже как-то не по-русски. Твои родители не глупые были. Видимо, подбирали, чтобы созвучно было с отчеством.

— Ты взаправду так гываришь или смеёшься няд моей бядой?

— Конечно, серьёзно, в таких вопросах шутки неуместны.

— Ух, ну ты мене прямо успакоил нямного, а то я всю жизнь недоволен был и часто родителей нядобрым словом вспоминал...

Мимо проходит малознакомый мне мужчина, приветствует: "...Асьте!"

Парамон спрашивает меня:

— Витькя, ты знаешь, пычяму Ванькя сказал тебе "Асьтя", а не "здрасте"? Он букву "Рэ" не произносить и вместо "рубли", гыварить "дяньга". Поэтому его и завуть: "Двадцыть пять денег"! К тому же, двадцыть пять рублёв, это четвертной, снова "Рэ", понял? Раньши, когда я был путёвым и дяржал хозяйство, была у мене корова блудливыя. А Ванькя, в это лето посадил у себе на огороде просу. Пшённую кашу он сильно любить, молошную, а молоко у мене брал. И вот зашла моя пройдоха к няму в огород и трескыить яво просу. А ведь ани меньше сажруть, чем патопчуть.

Гляжу: бяжить ка мне Ванька, он коров боится и весь аж синий стал, а сказать ничяво не можить. Слова-то, какие: огород, корова, просо, пожрала, забери — везде Рэ надо говорить! Вот он с лица-то и смяниси, как восьминог всё время цвет свой менять! Пыхтел, сапел, а потом как закричить мине:

"Пымошка! Вазьми свою муму, она маю пшено паела, скотина эткья! — и кричить по жармански: — шнеля ходи!"

Вот ведь как извярнулси, гад, прямо и не придумишь нарошно! Разве так скажешь, без осмыслению? А сичас он говорить без запинки, но "Рэ" никогда ня скажить. Кирпичи называет: "маленькие саманчики". Во, ушлый какой!

Паслухый, Витька, у мине прямо из головы не выходить, как же это Колька так насчитал пра силы лышадиныи! Как же это так: у Шкодии их больша, а машина слабей его! Да и цилиндров у маеи шесть, а у яво Мирсядеса чтыре!

— Парамон, да количество "горшков" здесь не главное, он упёр тебя в это, а ты и зациклился. Главное мощность двигателя, твоя, конечно, сильнее его.

— Ды я и сам так же думыл, а он мине видишь как ловко глупым иседелыл! Ну, ладно, пошёл я в бяга, гонить мине нячистый, кайф мой уже праходить. У тебе ничяво выпить-то, нету?

— Нет, Парамон, я же непьющий.

— Ды вот и плохо, ты хороший чилавек. Выпивал бы, глядишь и мне нет-нет, ды и перепадало бы. Неужели ни налил бы, а, Витька?

И Парамон "ударился в бяга". Пришло время подкармливать эгрегора пьянства.

Йети и Парамон

Заглянул ко мне как-то Жуковский. Я угостил его чаем. Он кривился (градусов нет), но пил. И рассказал мне такое, от чего я едва не умер со смеху. И начал он так:

— Эх, Витька, в какую сихтуацию я нядавно попал! Пряма, как в телевизири побывал. Типерь вот в них много гыварять о разных яномальных случаях, таких как еНЛЮ, инопланетяни, снежны чилавеки и так далее. Простые люди уже запоминають некоторые случаи, названья. Вот и я, обныкнавенный деревенский мужик, два дня назад смотрел по тиливизиру передачу про снежных обязыянов: ЕТЫ (Йети) они прозываются. А вчяра уже пывстрячалси с ними... Чаво ты смиёсси? Я толькя начал, а ты уже... А встретилси я с ними по причине моей сильной любви к сымагону. Обожаю я это дело, а что: имею право! Я взрослый, можно дажить сказать, пыжилой уже, думыю, что заработал себе свой культурный отдых. Эту мероприятию я сильно люблю и мне теперь мало нужно для кайфу. Вот раньше, да! Пока нальёсси, вволю ныстрадаешси. Сичас крысота: три стаканчика и вот она, культурия! Значить, дело было так.

По причине сильного хотения выпить, пошёл я х куму, в соседнее село. Он у мене хароший, тожить культурный и всягда найдёт бутылычку шмурдяка. Пысидели мы с ним, попели народные песни. Куманёк налил мне на дорожку фуфырик. Взял я калбаски ны закуску и пошёл домой. А пока я нахожусь в культурным сыстаянии, то иду абычно долго. Потому как любая кривая, по-всякому длинней прямой, как правильно утверждать учёный по гиаметрии, забыл его фамилию... А-а, вспомнил: Джакартым он прозывается. Не русский видно, а умный, такую правильную тиарему атписал. Я её всягда вспоминаю, когда в культурии иду домой. А иттить, иногда и ползти, приходится через овраги, сильно заросшие кустами и деревьями. Стенки у них крутые, а бывают и с водой.

И вот, значить, плыву я себе спокойно в одном буераке и пришла мне на ум передача о ЕТАх. Жалко мне их стало до слёз: дикьи, грязныи, все за ними гоняются и ни кола у них, ни двора! А уж выпить и подавно не с кем: самих-та их мало, когда встретишься друг с дружкой-та? Да и выпивка, когда надо, ни всягда бываить пыд рукой, по себе знаю. Со всех сторон выходить, что бедныи они, жалкьи. И думыю я: "Эх, кабы с ними встретиться, я бы налил им!"

Выбралси я на край оврага, а рядом другая яма и ничяво в ней ня видно, один лес. И послышилысь мне, будто хтой-та мычить, вроде страдаить! Огляделси, никаво нет. Ну, думыю: "Бялуга-курва гдей-та рядым ходить, глюказиды свои ны мне напускаить! Завладеть, значить, маеи "крышей" хочить! Зря стараешься, сяврюга, не отдам я табе просто так свой чярдак!"

Слышу, апать из оврага стонають. Перевалилси я через край и вмиг оказалси, где надо, в кустах. Лапнулси зы карман, панфурик на месте. Мне сразу и тяплей стало: не потерял драгоценныа! Взглянул, мать чясная! А в приямке два ЕТА спрятылись: мужук сы сваёй бабой. А она раждаить значить, пытаму и стонить, бедныа. Я это сразу увидал, пытаму как опытной в этих дялах: кажный год у овец роды принимаю. Вот и она: ноги зыдрала, а из шерсти ничяво ня видно. А её мужук схватилси руками за голову и мычить, ня знаить что дельть, значить! А можить ещё и в первый раз! А эта дела страшныа пыначалу, опасливыйа для бабы.

Увидал ЕТ-мужук мне, иседелыл зверскью морду и припаднял сукастыю палку. Наверна не узнал сразу: а я весь заросший, ня бритый, как и он. Ды и умываться в последнее время некуда — с гылавой в культурии был. А вообще-та мне все черти в акруге знают, не говоря уже о кыблях. И я, канешно, зыбаялси: гылава-то у мене ня тыква.

Гыварю яму:

— Пыдажди, дурак глупой, аль ня знаишь мене? Это же я, Пырамошка Жуковский. Я смиренный, драгсья с табой ня буду, на кой ляд ты мене сдалси! А я можить, пымагу вам в этом

деликатным дели! А хочешь, — гыварю, — налью тебе, у мене и закуска есть! Видишь, мяса какая: кылбасой прозывается она.

А ЕТ, здоровенный такой мужук, молчить и сурово так смотреть на мене, не желает жрать, значить. Оно и понятно, откуда он пры кылбасу знать-та можить! Яму, небось, свежую мясу подавай. После мыяво разговора с ним, он нахмурился, прикрыл тоскливыи глаза, но палку опустил. А баба яво ногами сучить и молчком стонить, жалистно так. Ды ещё, наверно, мене, чужого мужука стясняится, хотя и не глядит в мою сторону. Я гыварю мужуку:

— Ни боись мене, я хороший чилавек, всё пынимаю, ня монстр жа! Скажи бабе ны сваём языке: пусть кричить сильнее, быстрее вылизить! Наши все так деляють. Оруть, как оглашенные! Так пыцаны сами от ихнего крика выбегают и со страху так вопять, что хоть уши затыкай!

Вижу, напрасно я яму толкую, ни пынимаит он мене! Сидить, за башку сваю глупую держится и мычить, страдать значить, а я ихнего языка не разумею. Вот бяда-то, ну как с ними рызгаваривыть! Решил я его баби помочь, а ана вся выласатиция, ничяво ня видно. Не поймёшь дажить, откуда вылезать будить ЕТёныш. Подполз я поближе к страдалице, толкнул её и гыварю:

— Ты пычяму не вопишь, дура непутёвая, в первый раз что ли, раждаишь, глупая! Ори сильнее, гарилла бисталковая! Он ошалеет от твьяво крика и сам бягом выскочить, ещё и ловить придётся. Давай я пыманю яво к себе руками, он сыблзнится, ды и покажется, а я яво за голову-то и поймаю!

Полез я к ней, а ЕТ, кааак хряснет дубинный пы маей пы гылаве, ды без предупреждения! Зыреывавал к сваей бабе, значить! Пытямнело у мене в глазах: неба упала на землю и огоньки ферверком кругом запрыгали. Тут я как зывапил ат боли и ат внязапнысти, нязнания, что он мене сичас дубинный приласкаить. А ЕТиха, наверно, испужалысь мыяво рёва ды разом и "выплюнула" ЯТёнка: прямо бягом выскочил! А я когда оклемался, гляжу: а он такой же, как наш и дажить похожий на мыяво внука. Такой же сморщенный и гылава, как сухая груша. Разница толька в том, что мой внук был раздетый, а этот весь в шерсти чёрной, кроме лица и ушей. А уши у няво были голые, розывые и прозрачныи, прямо как слюда.

— Вот видишь, — говорю я ЕТу, — с криком-то всягда проще. Наши-то бабы, они ня дуры, что оруть, как резиныи. Говорил же тебе, что пымагу: ня монстр же я, пынимаю, а ты мене дубинный вместо спасибо.

Гляжу, а этот дурак исделал бешеные глазищи и снова пыднимаит надо мной свою орудию. Не разумеет изверг, что не ндравятся мене такие процыдуры, гылава от них у мене кругом идёть.

Я яму кричу:

— Чяво ж ты деляишь, гад, так значить, блыгыдаришь мене за то, что я помог тваей бабе и тебе обрести сына живого! Видишь, как быстро она опрасталась с маей помышью! Чтобы ты делял без мене? А он, абязьяна эта, не пынимает мой говор. А тут ещё ЕТиха вскочила на ноги, схватила ЯТёнка ды как закричить не своим голысым! Ну и, конечно, ЕТ ня выдержал такого крику и вдругорядь каак жажнул дубинный прамеж рогов моих! Есть они у мене. Моя баба исделала их, когда по курортам, ды по сынаториям разъезжала. Сама сказала. Ды я, когда в сильной культурыи ныхажусь, всягда вижу их. Развесистыи, как у харошева оленя! На этот раз мене пыказалось, что я лятаю сиредь звёзд и что там же, теперь, сам раждать начал! Кружусь и смотрю, а ЕТ опять стоять надо мной, зыркает своими глазищами и молчить. Чую я, что он мене можить и третий раз пыблагодарить. Кричу ему из космысу:

— Што ж ты прырабатывыешь-та, шинпанза переросшия, ведь убил ты мене насовсем наверно, да и больно к тому жа!

А у няво как полились слёзы: жалко, значить, чужого мужука стало — убил! А што яму больше скажешь: неразумныи они, так пра них по тиливизиру говорили. Но у мене своя мысля есть насчёт ума ихнего: бесталковыи, а детей умеють делять! Какие жа после этыва ани дураки!

Тут тоже целая наука нужна. Сичас я, конечно, забыл её, но кое-што ещё помню. В этом деле мы все учёные когда-то были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.